

ЖИЗНЕННАЯ УСТАЛОСТЬ КАК ВЕДУЩАЯ ДЕВИАЦИЯ ЭПОХИ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Е.А. Уваров

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, г. Тамбов, e-mail: uvarovea@yandex.ru

Вопрос осмысления исторического перелома, на гребне которого оказалось человечество, на сегодня поставлен намного острее, чем это было когда-либо в предыдущем. Следует признать, что в настоящем мы являемся участниками развертывания новой, ранее невиданной жизненной реальности. Свидетельством нестабильности человечества является постоянно пополняющаяся нозологическая группа социальных и психологических девиаций, жизненная усталость среди которых занимает особое место.

Жизненная усталость как синдром современного общества принадлежит к области глубоких социальных аномалий и свидетельствует о появлении «нового зла века». По существу, жизненная усталость является следствием глубинной цивилизационной травмы, ставшей ответом на слом исторических эпох.

В статье рассматривается проблема категоризации понятия «жизненная усталость», что вызвано смысловой многозначностью и недостаточной семантической определенностью данного психологического феномена. Автор акцентирует внимание на «мужестве быть», выступающем базовым условием существования современного человека и его способности противостоять деструктивному внешнему влиянию.

Ключевые слова: жизненная усталость, аномия, отчуждение, одиночество, цивилизационная травма, мужество быть.

За кулисами загорелось.

*Клоун выскочил предупредить публику.
Решили, что он шутит, и давай аплодировать.
Он повторяет – еще более неистовый восторг.
Сдается мне, пробьет час, и мир рухнет
при общем восторге умников,
воображающих, что и это – буффонада.
С. Кьеркегор, Афоризмы эстетика*

К постановке проблемы. Ситуация неопределенности будущего человечества становится все более тревожной и достигает критического значения в начале третьего тысячелетия. В своих выступлениях М.К. Мамардашвили одним из наиболее реальных сценариев дальнейшего развития цивилизации не исключал возникновение антропологической катастрофы [1].

Современная цивилизация, уверившись в собственном могуществе, способности перекраивать природу и конструировать под свои возрастающие потребности искусственную среду обитания, на протяжении последних двух столетий неуклонно приближалась к запретной черте. Возможно, эта черта уже преодолена, и в настоящем мы являемся участниками развертывания новой жизненной реальности. При этом самый негативный из всех возможных сценариев рисует картину апокалипсиса, при котором человечество

в своем движении, пройдя точку невозврата, приближается к социальному тупику и даже цивилизационному небытию. Хотя, возможно, это всего лишь параноидальное сиюминутное беспокойство перед невозможностью объяснить и упорядочить происходящие перемены.

Тем не менее, ситуация современных социальных изменений заставляет вновь обращать внимание на процессы, связанные с глобальными переменами, а человечество в очередной раз пытается провести цивилизационный корабль между Сциллой и Харибдой. Ощущение неуклонности катаклизма и связанного с этим роста социальных и психологических деструкций актуализирует вопрос научного изучения перспективы развития человечества, что нацеливает на исследование современного жизненного пространства и способности выстраивать жизненную перспективу. В связи с этим, вопрос осмысления эпохального перелома, на гребне которого оказалось человечество, на сегодня поставлен намного острее, чем когда-либо в истории, что связано скратно возросшими рисками, сопровождающимися социальными переменами.

На сегодня, к сожалению, приходится констатировать, что огромное количество

людей живут в состоянии жизненного разлада и тревожного ожидания неминуемой катастрофы. Создается ощущение, что некогда цельная жизненная линия бытия оказалась разорванной на отдельные несвязанные друг с другом фрагменты, создающие хаотическую мозаику миропонимания. Более того, в своем беспорядке весь этот бурлящий котел приближается к горизонту событий, за которым начинается пространство черной дыры, олицетворяющей собой непредсказуемость и неопределенность. Именно неопределенность будущего, его неосмысленность приводит к ощущению наступающего небытия, что угнетающе действует на общество, приводя его к состоянию глубинной онтологической тревоги. В данном контексте мы склонны соглашаться с П. Тиллихом в том, что тревога выступает как состояние осознания возможности небытия и уязвимости человечества. При этом всеобщая уязвимость человеком воспринимается субъективно и переживается как его собственная уязвимость.

Английский социолог Э. Гидденс пишет: «До какой степени мы – где «мы» значит человечество в целом – управляем колесницей или, по крайней мере, направляем ее таким образом, чтобы минимизировать опасности и максимизировать благоприятные возможности, которые современность предлагает нам? Почему мы, по крайней мере в настоящее время, живем в вышедшем из под контроля мире, так отличающемся от того, которого ожидали мыслители Просвещения? Почему всеобщее употребление «милосердного разума» не создало мир, подвластный нашему предсказанию и контролю?» [2].

Онтологическая тревога самым негативным образом влияет не только на конкретного индивида, но может приводить к психическому заболеванию социума в целом. В одной из своих работ Э. Фромм задается вопросом, может ли общество быть психически нездоровым, т.е. может ли всеобщая патология стать реальностью и иметь глобальное распространение [3]? На протяжении длительного времени многие исследователи говорили всего лишь о «неприспособленных» индивидах, игнорируя при этом возможность «неотлаженности» общества в целом. На сегодня научных свидетельств деформации со-

циальной среды, к сожалению, становится все больше, что, собственно, подтверждает опасение Э. Фромма. Намного ранее этого К.-Г. Юнг высказывал опасение о наступающем безумии, связанным с разрывом связей с коллективным бессознательным, т.е. отчуждением от той первоосновы, которая определяет жизнеспособность человека и общества. По его мнению, сегодня происходит демонизация мира, когда на смену светлым богам приходят черные кумиры и демоны, признаком появления которых является духовная опустошенность и личностная деградация.

Категоризация жизненной усталости. Свидетельством психологической нестабильности человечества является постоянно пополняющаяся нозологическая группа социальных и психологических девиаций, жизненная усталость среди которых занимает особое место. Жизненная усталость как массовый синдром современного общества впервые упоминается в работах французского социолога Ж. Бодрийяра. По мнению автора, данный феномен принадлежит к области глубоких социальных аномалий и свидетельствует о появлении «нового зла века». По существу, в результате слома исторических эпох жизненная усталость является следствием глубинной онтологической травмы [4]. Цивилизационное перепутье привело человека к растерянности в плане миропонимания и выстраивания им собственного жизненного пространства (т.е. понимания жизненных целей и смыслов, духовных и ценностных ориентиров).

Следует признать, что человечеству мировоззренческий переход всегда давался весьма непросто: будь-то отказ от охоты и переход к земледелию, что было сопряжено с оседлым образом жизни, или индустриальная революция, вырвавшая человека из природной среды и предопределившая научно-техническую революцию. Способность человека по своему замыслу создавать искусственную среду обитания позволила ему заявить о себе как о новом сакральном существе, если угодно, новом мессии, отвергающем высшую божественную предопределенность. Претензии на краеугольность своего места в мироздании укрепили его в исключительности и привели к изолированности от все-

общих природных процессов. Попросту, став «венцом творения», человек захотел подняться над ними и, более того, по собственному усмотрению конструировать мир. Но на деле оказалось не все так просто. Человек не нашел ответа на сакраментальные жизненные вопросы: «в чем смысл жизни, для чего он живет и стоит ли сама жизнь того, чтобы быть прожитой». Он в полной мере ощутил растерянность, бессмысленность, а порой абсурдность существования. Об этом весьма убедительно пишет Альбер Камю в своей работе «Миф о Сизифе. Эссе об абсурде». Следует согласиться, что непонимание глубинной цели своего существования привело человека к внутренней опустошенности, предельному психическому перенапряжению, выхолащиванию и порой исчерпанию жизненных возможностей.

Жизненная усталость, выступая как следствие изменения реальности бытия, помимо всего, является расплатой за безудержное стремление к постоянному и неконтролируемому прогрессу. В душе человека произошло столкновение двух реальностей. В своих потребностях материального достижения и телесного наслаждения человек, кажется, преодолел самую высокую вершину на земле, теперь он с маниакальным упорством карабкается на очередную более высокую гору, не желая признавать, что это, возможно, всего лишь созданный его воображением фантом. По сути, этот феномен можно отнести к одной из форм психологической патологии.

А. Шопенгауэр более ста лет назад писал о «колесе желаний», с которого практически нет возможности сойти, поскольку удовлетворение одного желания приводит к появлению скуки и как средства борьбы с нею формированию очередного желания. И так до бесконечности. Через много лет американский психолог А. Маслоу, изучая проблему потребностей, подтвердил сказанное: удовлетворение одной потребности приводит к актуализации другой. Для того, чтобы разорвать этот порочный круг, человеку необходимо обладать особым качеством самоограничения. Увы, человеку это удастся с трудом, желание «насыщаться» стремится к бесконечности. Вполне вероятно, что проблема неуклонного потребления лежит в плоскости

биологической заданности существования человеческого вида.

Можно заключить, что современная усталость ведет борьбу против себя самой в виде скрытого протеста, который приобретает форму бессознательной активности. Наверное, поэтому в современной жизни столько иррациональности, эмоциональной поверхностности, алогичности и, как итог, стремления заменить жизненную реальность, не удовлетворяющую человека, на что-то иное. При этом нужно признать, что этот пассивный отказ от жизни фактически является скрытым насилием над собой и представляется одним из возможных ответов на социальный вызов. Другими словами, усталость не ведет к пассивности в традиционном ее понимании и не является своего рода противовесом внешней гиперактивности. Она выступает единственной формой активности, которая противостоит современной социальной модели, принуждающей человека к непротивлению внешним обстоятельствам.

Жизненная усталость как психологический феномен отличается дефинитивной и смысловой многозначностью и проявляется во множестве современных социальных девиаций. По нашим представлениям, эти девиации могут быть объединены в один кластер, который мы обозначаем как отказ быть субъектом собственной жизни. Другими словами, это отказ от авторства собственной жизни, от ответственности за нее и «мужества быть», что сопровождается бессмысленным движением во всеобщем жизненном потоке. Жизненная усталость характеризует состояние индивида, находящегося в непредсказуемом и неустойчивом социальном пространстве. По своим проявлениям неустойчивость, и связанная с нею хаотичность современного социума, выражается в пронизанности жизненного пространства огромным количеством спонтанно возникающих и беспричинно исчезающих социальных явлений и процессов. Поэтому категоризировать вновь возникающие социальные и личностные девиации порой представляется весьма проблематичным, поскольку жизненная динамика опережает научные модели, способные не только им противостоять, но даже их описать.

Природа жизненной усталости исходит из постоянно меняющегося жизненного про-

странства, поэтому достаточно сложно четко определить ее предметные границы. Более того, из-за своей онтологической природы и всеобщности происходящих процессов данный феномен обладает обманчивым свойством доступности. При всей популярности обсуждения проблемы усталости человечества для научного анализа она остается весьма призрачной, что не позволяет в полной мере рационализировать научные подходы к ее рассмотрению.

В самом общем виде жизненная усталость является следствием коренного слома современной цивилизации. Оторванность человека от природной первоосновы, или, по М. Хайдеггеру, «заброшенность» в мир и «неукорененность» в нем, приводит к ощущению одиночества и пустоты, которая окружает индивида извне и наполняет изнутри. При этом никакие рациональные усилия и современные оздоровительные технологии, направленные на преодоление такого состояния, не способны привести к желаемому результату. Кризис коренится намного глубже, он исходит из самой природы человека, и поверхностными «поглаживаниями» разрешить его невозможно.

Для жизненной усталости, в первую очередь, характерно опрокидывание всего ценностного и духовного мира личности, т.е. всего того, что удерживало и ориентировало человека в развитии современного мира. Не так важно, чем определялся этот вектор развития: изначально природой или в последующем божественным началом. Для него он являлся путеводной звездой, на которую человек ориентировался и за которой следовал. После покорения природы и отказа от сакральности, человек самостоятельно начал конструировать мир, ориентируясь исключительно на достижение комфорта.

Следствия жизненной усталости. Жизненная усталость приводит к тотальному кризису бытия и целой гамме психологических девиаций и явлений, с ними связанных: отчуждению, одиночеству, разрушению смыслового пространства, размыванию внутреннего мира, атомизации, построению псевдореальности, катастрофизации будущего, завышенному ожиданию будущего и многому другому. При этом с течением времени этот предметный ряд наверняка будет пополняться,

причем в тех проявлениях, о которых мы даже не подозреваем.

По мнению К. Ясперса, утративший безопасность человек сообщает облик всей эпохе, что выражается в нигилизме, беспомощности и растерянности тех, кто не смог найти выхода из создавшегося положения или не приспособился к ситуации [5]. Поэтому такой человек живет в блужданиях и постоянном поиске себя и своего места в этом мире. Он походит на проклятого богами Сизифа, бессмысленно вновь и вновь толкающего камень на вершину горы. Поскольку индивид не в состоянии адаптироваться к столь быстрым социальным изменениям и, что более существенно, не способен конструктивно повлиять на них, происходит трансформация смыслового пространства и разочарование в жизни. Следует особо подчеркнуть, что именно наличие или поиск смысла формирует перспективу будущего и движет человека к очередной цели. При его отсутствии наступает эпоха жизненных блужданий и хаоса. К.-Г. Юнг писал, что тот, кто лишился смысловых символов и не желает удовлетвориться «эрзацем», оказывается в весьма трудном положении. Перед таким человеком зияет духовная пустота, от которой он в страхе отворачивается или пытается наполнить жизнь чем-то другим.

Американский футуролог Э. Тоффлер говорит, что человечество захватывает неизвестное ранее психологическое состояние, которое по силе воздействия и по своим последствиям может быть приравнено к заболеванию [6]. Автор утверждает, что вследствие «шока будущего» человечество обречено на массовый адаптационный слом. «Футурошок» характеризуется утратой чувства реальности, отсутствием умения адекватно ориентироваться в мире, разумно управлять событиями и собой. Такого рода дезинтеграция приводит к исчерпанию психологических ресурсов человека и отчуждению от внешнего мира. Человек выстраивает психологическое защитное поле в виде изоляции от всего того, что может разрушить его личностную идентичность и гармонию внутреннего мира. Парадокс заключается в том, что чем активнее индивид стремится защититься от разрушения «самости», тем чаще приходит к пониманию тщетности своих усилий.

Жизненный водоворот втягивает его в глубины происходящего и превращает в общую массу или выбрасывает на берег в пространство одиночества и изоляции.

В своей знаковой работе «Мужество быть» П. Тиллих отмечает, что человек есть человек лишь потому, что в соответствии со смыслами и ценностями обладает способностью понимать и формировать реальность, т.е. свой мир и самого себя как часть этого мира [7]. Утрата смысла априори приводит к возникновению небытия и угрозе духовной жизни человека. В свою очередь, угроза духовной основы разрушает всю жизненную полноту бытия человека. Собственно, именно этот процесс мы наблюдаем в настоящее время. Современный человек в поиске себя и своего места в мире становится качественно «другим», часто «никаким» в том смысле, что на фоне сиюминутных жизненных процессов и желаний превращается в фантомную неуловимость, в некий промежуточный образ между одним и другим проявлением. Об этом пишет английский писатель Джон Фаулз, найдя достаточно точное по смыслу определение – «немо», состояние «никтожества», при котором человек оказывается никем [8]. «Немо», по мнению автора, это испытываемое человеком чувство собственной бесполезности и преходящести, т.е. относительности и мимолетности существования. Другими словами, фактической ничтожности.

К. Ясперс приходит к выводу, что когда отсутствует авторство мира и он не соответствует ничьему желанию, то с точки зрения разумности развитие становится сомнительным и теряет всякий смысл. Автор продолжает, что гордость и высокомерная уверенность в том, что человек в качестве господина мира может по своей свободной воле сделать его устройством наилучшим, превращается в сознание подавляющей беспомощности [5]. Связано это с тем, что человек всегда стремился к абсолютной свободе и независимости от природной или божественной предопределенности. Но стремление обрести свободу привело к тому, что человек, получив желаемое, столкнулся с ответственностью за выбор своего жизненного пути и его конечный результат. Безраздельное обладание свободой без ответа на вопрос «для чего она необходима?» с человеком сыграло

злую шутку. Стремление к абсолютной независимости у индивида обострило сопутствующие экзистенциальные трудности. Дело в том, что человек не смог освободиться, прежде всего, от самого себя. Сделав, по С. Кьеркегору, «шаг во тьму», т.е. в неизвестность, он столкнулся с глубинной тревогой. Другими словами, свободный личный выбор привел человека к порождению страха перед неизвестностью. Можно ли избежать этого вечного беспокойства перед будущим? Ж.-П. Сартр, утверждает, что мы обречены на то, чтобы быть свободными. Но при этом, продолжает автор, перед человеком всегда будет стоять альтернатива выбора и, соответственно, беспокойство за его результат.

О. Ранк пытается объяснить амбивалентность стремления к свободе и, одновременно, индивидуализации, с одной стороны, и страхом ответственности за свой выбор, заставляющим человека растворяться в других, – с другой. Он говорит о постоянном напряжении между «страхом жизни» и «страхом смерти». Как только человек «получил» сознание, он стал стремиться к самореализации и развитию своего природного потенциала. В конечном итоге он стремится стать индивидуальностью, что дает ему возможность отличаться от других, стать не похожим на них. Такое стремление выделяет его из природы, из общего унифицированного состояния, а это в конечном итоге приводит к столкновению со «страхом жизни». Он проявляется в одиночестве, незащищенности, утрате связи с целостностью, т.е. всем тем, что окружает человека и из чего он вышел. Тогда человек начинает двигаться в ином направлении: отрекается от индивидуальности, сливается с общим, растворяется в других, обретая, тем самым, комфорт в массовом и всеобщем. Слияние с другими и растворенность во всем пробуждает «страх смерти», страх конечности и небытия. Следует понимать, что такое состояние тоже не стабильно, поскольку человек вновь начинает страшиться стагнации и потери индивидуальности. Между этими полюсами человек мечется всю свою жизнь.

Э. Фромм в «Бегстве от свободы» пишет, что свобода принесла человеку независимость и рациональность существования, но

в то же время она привела к изоляции человека, его отчуждению от мира, что пробудило в нем чувство бессилия и тревоги [9]. Поскольку для человека изоляция непереносима, он оказывается перед выбором: избавиться от свободы с помощью новой зависимости, нового подчинения либо дорасти до полной реализации позитивной свободы. Последняя основана на неповторимости и индивидуальности каждого человека.

Свобода пугает человека, она несет в себе глубинное беспокойство, поскольку он не знает, как ею распорядиться. Понятно, что жить в стаде, двигаться в общем потоке, не отвечая ни за что, намного проще. За всем этим стоит элементарный страх оказаться выброшенным из пусть обезличенного, но всеобщего и безопасного «рая». Существующая социальная модель дает людям возможность мнимой безопасности, но при этом превращает их в безликую массу, получившую у Э. Фромма определение «стада», или «машин желания» у Ж. Делеза. Современный человек утратил ясное представление о том, что он хочет. В конечном итоге он становится либо конформистом и хочет то, что и остальные, либо становится частью тоталитарной системы и делает то, что от него хотят другие. В одном и другом случае человек оказывается отчужденным от себя.

Современный индивид подвержен стремлению отдать свою свободу внешним, даже откровенно деструктивным силам, главное для него не оказаться одиноко бредущим по обочине всеобщего потока. Для того, чтобы социальный механизм слаженно и синхронно функционировал, разработаны изощренные методы манипуляций и контроля над личностью и обществом. Когда о современном человеке говорят как о патологическом конформисте, это едва ли справедливо. Являясь всего лишь деталью в социальной машине, он попросту не осознает своего положения, поскольку существует в кем-то сконструированной реальности. Другой реальности он не знает или не хочет знать.

Несомненно, причины, вызывающие у человека страх перед свободой и готовность превратиться в неодушевленную функцию, за последние четверть века не только не исчезли, но и значительно возросли. В психологической дихотомии «иметь»

или «быть» человеком было отдано предпочтение – «иметь». К. Ясперс пишет, что человек как будто растворяется в том, что должно быть лишь средством, а не целью, не говоря уже о смысле. Заполняя собой жизненное пространство, индивид начинает жертвовать своим бытием, а в конечном итоге собой. Его трагедией является то, что в происходящих изменениях он не смог найти себе достойное место и обрести удовлетворение от их результатов. Человеку стало не доставать того, что придает ему ценность и достоинство как целостному субъекту. В конечном итоге он перестал радоваться жизни, что подтверждается снижением уровня счастья и удовлетворенности жизнью. Как ни парадоксально, это в первую очередь касается жителей благополучных стран с экономически высоким уровнем жизни.

К сожалению, такое положение вещей вполне удовлетворяет запросы современного мира. Подавленность, отстраненность друг от друга и в конечном итоге состояние, которое приводит к крайности существования индивида – отказ от жизненности и принятие небытия в разных его проявлениях стало реальностью. Угроза своей индивидуальности или, по П. Тиллиху, угроза бесконечной утраты превращает людей в вещи, в бессвязные осколки реальности, которыми, пользуясь современными технологиями, можно манипулировать, превратилась в реальность.

Более ста лет назад С. Кьеркегор сформулировал вопрос, на который до сих пор не найдено ответа – Как можно в таком мире стать индивидом, т.е. остаться самим собой? Автор пишет, что если этого не произойдет, то человечество будет превращено в коллектив роботов, а это означает наступление внутренней пустоты и саморазрушающего отчаяния.

Ф. Ницше в своих работах пытается выяснить причину кризиса современного человека, и, по его мнению, находит. Немецкий философ говорит о выдохшейся душе, существующей на фоне исходящего от общества дурного запаха провала пути. Люди, по мнению Ницше, едва родившись, уже начинают умирать, поэтому они жаждут учений усталости и отречения. Для того, чтобы защититься от реальности, индивид отказывается от сознания себя. Поэтому он является ра-

бом внешних обстоятельств, которые заставляют его блокировать собственное сознание, что в конечном итоге приводит к отчаянию и бунту.

«Смерть автора» неизбежно приводит к бессубъектной постмодернистской культуре и духовной деперсонализации личности, растворяющей в социальных фантазмах ее активное, созидательное начало. К.Г. Юнг предупреждал, что в мире, лишенном духовности, люди начинают стремиться к призрачным целям, бег за которыми разрушительно воздействует на психику. В современном кардинально изменяющемся социальном пространстве начинает отчетливо проявляться образ псевдомира, который своими установками создает псевдореальность, изменяет смысловую картину реальности и доводит ее до иллюзорности.

Идентифицируя саму себя с неконкретным общим, личность начинает моделировать востребованные социумом моменты, актуальные лишь для данного промежутка времени или ситуации. Но дело в том, что время очередного социального запроса на ту или иную жизненную модель катастрофически ускоряется. Или же этот запрос представляется набором хаотических, противоречащих здравому смыслу желаний, что человеку не позволяет обрести устойчивое состояние. В результате чего происходит деперсонализация личности и разрушение сущности человека. Часто данный процесс происходит на фоне тотального навязывания современным истеблишментом внешних жизненных стереотипов и символов. То есть личность как изначально отличительная от других категория превращается в абсолютно растворенную в социуме сущность и в своем мелькании обликов и изменяющихся образов перестает существовать.

При таком взаимодействии среды и индивида формируется условность существования границ индивидуального пространства, а картина мира предстает как сумятица сцен, напоминающая смешение красок на холсте. Именно такой вселенский коллаж приводит к изменению мировоззрения индивида и замене реальности миропонимания на его сюрреальную интерпретацию. Следует понимать, что если для человека иллюзия представляется как настоящее и актуальное,

то реальность перестает существовать, и бытие побеждается небытием, т.е. конечностью.

Такой социальный посыл формирует «человека-локатора» с внешне ориентированным мировосприятием, который не создает, а всего лишь ретранслирует или отзеркаливает поступающую информацию без ее смысловой переработки. Такие люди живут с постоянным ощущением зависимости от других, стремлением адаптироваться к большинству и добиться их одобрения. Они растворяются в массовой трансценденции и превращаются во внутренне бесформенную сущность, у которой отсутствуют устоявшиеся традиции, собственные цели в жизни, система ценностей. Если посмотреть на такого человека снаружи, то он походит на безымянную тень, на некий конструкт, лишенный содержания. Вследствие чего его внутренняя жизнь не поддается пониманию и, соответственно, не вызывает у других каких-либо переживаний. Являясь объектом среди других объектов, лишенный смысла в себе и не способный найти смысл в мире человек начинает смотреть на себе подобного только извне. Для него глубина внутреннего мира, связанная с переживанием и участием, попросту становится недоступной.

У такого человека оказывается практически разрушенной базовая потребность целенаправленного формирования внутреннего образа внешнего мира. Следует заметить, что без психологического механизма интериоризации полноценное существование человека в мире сомнительно, о чем писал С.Л. Рубинштейн. Потребность получения внешней информации через внутренние образы и на этой основе формирование внутренней картины мира оказывается вытесненной массой информации, которую не представляется возможным объединить в одно целое. В результате чего человеческий разум лишается права понимать связность протекающих в мире процессов, что приводит к искажению происходящего. Человек начинает мыслить искусственными клише, приготовленными кем-то вовне, он отказывается понимать логику развития мира и цели, которым следует. При этом следует понимать, что человек, который не может найти цель в мире, теряет чувство цели и в своей собственной жизни. Он все меньше стремится к установлению

межличностных отношений, все больше замыкается на себе и своих удовольствиях, что в конечном итоге приводит к самоизоляции и навязчивому беспокойству одиночества и чувству пустоты.

Все это самым непосредственным образом сказывается на высших личностных проявлениях, в первую очередь, на духовной и ценностно-смысловой сфере индивида. Утрата традиционных человеческих ориентиров, происходящая в эпоху постмодерна, воспринимается ее представителями весьма позитивно. В их понимании «вечные ценности» являют собой тоталитарные и параноидальные установки, препятствующие творческой самореализации и самовыражению человека. Истинным идеалом постмодернистов является хаос, первоначальное состояние неупорядоченности, несвязанные между собой возможности, которые позволяют свободно и произвольно формировать жизненные установки. Но возникает вопрос, как можно формировать жизненные установки, т.е. устоявшиеся предпочтения, на основе сиюминутных целей и спонтанно возникающих желаний?

Психологическая булимия современного человека. В существовании человека немаловажным аспектом, приводящем его к психологическим и социальным деформациям, является целенаправленное снятие всяческих запретов и ограничений в потреблении всего того, что его окружает. Современный мир устроен таким образом, что непрестанно провоцирует аппетиты человека, побуждая к бесконечному достижению и поглощению. Основной чертой сегодняшнего человека стал беспрепятственный рост жизненных запросов, приводящих к безумной экспансии эгоизма. В результате чего индивида ничто не побуждает считаться с чем-то, поскольку он обладает полной свободой узаконенных и беспричинных действий для удовлетворения собственного «эго». При этом он не замечает, что вместо реального продукта, будь-то культура, власть, идеология, мировоззрение и т.д., он часто употребляет фальшивку, представленную в виде красочного фантика.

Ж. Бодрийяр сравнивает доминирование мира вещей и потребностей с распространяющейся истерией. Он пишет, что совре-

менная жизнь сфокусирована на мнимой неудовлетворенности в достижении желаемого, которая не позволяет ни завершить удовлетворение, ни определить саму потребность. Происходит это потому, что человек в своих потребностях скользит по поверхности желания, не задумываясь над вопросом его значимости и необходимости обладания. Тем самым человек оказался лишенным глубины истинного наслаждения от достигнутого.

По логике вещей, основной целью любого потребления является удовлетворение какой-либо потребности и получение от этого удовольствия, но сегодня этот принцип принудительно навязывается внешними установками и выглядит как долг каждого. Современному человеку вменяется в обязанность наслаждаться. Для этого разработан множественный технологический арсенал социальной манипуляции в потреблении, т.е. выработан специфический алгоритм потребления, без принятия которого человек отчуждается от общества и становится не таким, как все.

При этом, поскольку современный человек отказывается от поиска смыслов, следования базовым ценностям, то он все чаще обращается к телесному как наиболее доступному для получения удовлетворения. Телесность начинает противопоставляться и вытеснять все, что связано с духовностью, так как последняя, по многим современным представлениям, является не более чем спекуляцией ума. Тело и что с ним связано является единственной доступной для переживания человеком реальностью, поэтому оно становится объектом постоянной репрезентации. Думается, именно поэтому в последние десятилетия культ тела возведен в абсолют, ему посвящена работа огромной индустриальной империи, заслонившей собой все остальные аспекты бытия человека. Поверхностное и сиюминутное в одночасье стало глубинным, а глубинное и сакральное, в большей степени сопряженное с духовным, оказалось отчужденным и вытесненным на периферию человеческого сознания.

Г. Маркузе современную цивилизацию сравнивает с демократической несвободой, где существуют истинные и ложные потребности [10]. Ложные потребности навязываются особыми социальными интересами

в процессе психологического подавления индивида. Достигая потребностей, человек может чувствовать значительное удовлетворение, но это не то счастье, к которому следует стремиться, поскольку оно девальвирует развитие способности распознавать нездоровье и находить пути к гармонизации и излечению личности. В конечном итоге результатом ложного достижения становится состояние эйфории в условиях несчастья. Все это приводит к тому, что индивид начинает подменять рациональность иррациональностью, и самостоятельно вернуть изначальное положение он уже не в состоянии. По существу, создается потребностная зависимость, которая является формой психологического геноцида по отношению к человеку. Данный вид зависимости формирует ощущение недостижимости желаемого, что приводит человека к жизненной апатии и ощущению бессмысленности существования. Более того, следует понимать, что границы желаемого могут быть искусственно завышены или искажены его ориентиры. Создавая социальные миражи, выдавая их за реальность и убеждая в необходимости их достижений, человека по жизненной пустыне можно водить до бесконечности.

Манипуляция сознанием как реальность современной жизни. Многие не соглашались с тем, что внешние манипуляции стали массовым явлением и что человек, порой, не отдавая себе отчета о последствиях, на звук социальной флейты способен шагнуть в пропасть. Дело в том, что, заполняя себя фантомами, не содержащими ничего кроме сиюминутных ощущений, человек, как правило, остается внутренне пустым и неспособным адекватно оценивать происходящее. Джон Фаулз пишет, что никогда еще в мире не было такого множества полых людей, они подобны гигантской груде пустых устричных раковин, которые громоздятся на морском берегу.

В свою очередь, В. Франкл говорит, что если человек не признает открытость миру, если он не имеет возможности выхода за пределы себя, то он вырождается [11]. Когда происходит отрицание самотрансцендентности существования человека, его бытие сводится просто к овеществлению. Именно овеществление открывает дверь для манипу-

ляций человеческим материалом. При этом манипуляторы с целью получения социальной и материальной прибыли отдают предпочтение людям с посредственными интеллектуальными способностями, избегающими риска, оригинальности и смелости, т.е. тем, кто не хочет видеть в себе свое «Я», и которые, за редким исключением, способны на «выход за флажки». Все это приводит к формированию одномерности мышления, которое систематически насаждается средствами массовой информации, а в последние годы все больше используется в образовании. В конечном итоге мы получаем «плоского человека», существующего в горизонтальной проекции, о чем мы писали в одной из своих работ [12].

Внедрение в сознание человека необходимой информации происходит с помощью установок, которые, непрерывно и навязчиво повторяясь, превращаются в подсознательные мантры. Именно вследствие такой экспансии мышление становится одномерным и некритичным, человек перестает жить, основываясь на собственных убеждениях и реальности происходящего. Ментальность, сформированная авторитарными внешними установками, переводит реальность жизни в подобие летаргического сна, в некую иллюзию неучастия и непричастности к происходящему. Человек превращается в вещь, и то, что вещь имеет душу и сама способна выбирать материальную и интеллектуальную пищу, что она внутренне противится чувствовать себя живой игрушкой, не отменяет сути культивируемого способа существования.

Ответом на вопрос о причинах появления «плоского мышления» у современного человека может послужить объяснение данного феномена М.Н. Эпштейном. Автор в статье «Информационный взрыв и травма постмодерна» пишет, что в результате гигантского информационного прессинга происходит появление постмодернистской «чувствительности», проявляющейся в безучастном отношении ко всему происходящему. Поэтому современный индивид все более чувствует себя калеккой, не способным полноценно соотноситься с окружающей информационной средой [13]. Он открыт всему, что его окружает, но при этом даже не пытается проникнуть в глубину вещей, довольст-

вуюсь миром симулякров. Жизнь человека превращается в легкие и быстрые касания. Это походит на шведский стол, когда можно отведать всего понемногу и даже насытиться, но не почувствовать вкуса.

С помощью понятия «симулякр» подчеркивается стирание границ между реальностью и искусственностью. Человек начинает иметь дело не с действительностью как таковой, а подделкой, т.е. искусственно созданной моделью реальности. При этом выявить истинную природу вещей бывает весьма непросто. Человеком современный мир воспринимается не более как поток информации, а события, которые он наблюдает, воспринимаются как белый шум, но не как смысл. Виртуализация мышления, все более доминирующая в современном мире, приводит к тому, что наступает ситуация неразличения искусственной и подлинной реальности. Подлинная жизнь превращается в некое подобие игры, к ней начинают относиться с определенной долей иронии, что проявляется в современном «стебе», который присутствует в политике, культуре, искусстве и т.д. «Игрушечное» отношение к жизни становится современным стилем, а сама жизнь походит на некий аттракцион, заполняющий жизненную пустоту.

Реальность нереальности. Механизмы виртуализации жизненного восприятия посредством манипуляций приводят к тому, что подлинно настоящее превращается в ненастоящее, затем через культовые фильмы, компьютерные игры, образование, медийные средства проходит испытание и, наконец, воплощается в реальной жизни. Для человека отношение к смерти, боли, страданиям, равно как и к счастью, становится обыденным и начинает составлять часть его «игрового» мировосприятия. Даже если человек понимает, что такое искажение грозит реальной опасностью, он все равно продолжает концентрироваться на внешней эффектности, но не на глубинных смыслах. Наверное, поэтому так популярны экстремальные ток-шоу или откровения людей в состоянии горя и жизненной катастрофы: все это воспринимается как очередная игра с элементами садомазохизма. При этом, казалось бы, одна только мысль о возможности оказаться на месте потерпевших должна привести в со-

стояние шока или, по крайней мере, отрезать жаждущих зрелищ.

Э. Фромм в работе «Бегство от свободы» пишет, что человека потчуют бессмыслицей, которая показалась бы оскорбительной даже для ребенка, но человек это с энтузиазмом поглощает. Формирование ироничного отношения к жизни, как к чему-то несерьезному и бессмысленному, по существу, доведено до формы жизненной установки. Все это, по мнению Ж. Бодрийера, привело к тому, что человечество вступило в мир виртуальной жизни, жизни, протекающей как бы не с самим человеком. Современный человек является потребителем псевдособытия, псевдоистории, псевдокультуры и псевдореальности. Он начинает относиться к жизни как к чему-то, что можно перекрутить как пленку в одну или другую сторону. Механизм выхолащивания жизненности осуществляется через замену реального восприятия некими готовыми клише, которые выдаются за глубокие аналитические интерпретации. Ограниченность доступа к реальным фактам и сущности событий не дает человеку возможности видеть подлинную реальность мира. Поэтому индивид живет под покровом знаков и в отказе от действительности, которую за него додумывают, дописывают, одним словом, конструируют.

Г. Маркузе подтверждает сказанное, когда пишет, что в настоящее время сфера иррационального превращается в подлинно рациональное. То есть человек начинает жить в «стране зазеркалья», где все наоборот: чтобы бежать, надо стоять на месте. Замена реальности с помощью виртуальной картинки стала определять смысл современной жизни, а если быть более точным, отсутствие смысла. Единственное, что возможно в этом конвейере псевдопроизводства, так это возможность замены утративших свое значение элементов «конструкта»: будь-то явление, событие или человек.

Поскольку создаваемая псевдореальность существования человека приносит внушительную отдачу, социальная машина будет продолжать воспроизводство заместителей реального бытия. Непрерывная «дрессировка» сознания приводит к автоматическому отбрасыванию всего, что не вписывается в систему потребления. Ж. Бодрийер по

этому поводу пишет, что возникает состояние прижизненного тотального отчуждения, где деньги, циркулирующие в социуме, регулируют абсолютно все, порождая в массовом количестве их симулякры. При этом создаваемые копии стали самодостаточными и более не связаны со своими первоначальными смыслами, у них открывается своя автономная жизнь и они начинают по собственному усмотрению определять жизнь человека. В итоге создаваемые духовные и материальные подделки образуют жизненное пространство человека, превращая саму жизнь в симуляцию. Духовность стала определяться объемом счастья, который получен от приобретения рекламируемых товаров и услуг, а самозначимость человека выражаться удовлетворенностью результатами приобретения того или иного продукта.

В существующей общественной модели социализация человека представляется как успешное встраивание себя во всеобщую симулятивную картину, в которой нет места понятию самооценности и самозначимости личности. Такой социальный посыл формирует общественную систему, в которой бес- субъектное социальное время и есть время человеческого бытия, а если быть более категоричным – небытия.

Э. Фромм в работе «Душа человека, ее способность к добру и злу» пишет, что наша культура ориентирована не на радость и любовь к жизни, а на поклонение вещам, что в конечном итоге превращает самого человека в вещь и такой же предмет потребления, как и все остальное, что его окружает. В такой жизненной атмосфере люди становятся равнодушными к жизни и, сами не замечая того, начинают чувствовать влечение к фальшивому и мертвому. По нашему мнению, современное общество в своем существовании все в большей степени ориентируется на некрофильские тенденции, хотя, казалось бы, жизнь в основном состоит из увлечений и удовольствий.

Ожидание будущего, минуя настоящее. Существует еще одна значимая проблема, которая заключается в нарушении логичности жизненной перспективы человека, связанности в единое целое прошлого, настоящего и будущего. Постоянное проецирование настоящего в будущее неизбежно от-

чуждает от человека реальность настоящего. То есть современный человек начинает жить ожиданиями будущего, он не живет «сейчас», он живет «завтра». Вне всякого сомнения, линия жизни устремлена в будущее, но когда формируется стремление лишь к «завтра», настоящее исчезает, а «завтра» не наступает никогда. Будущее, построенное на ожидании, проецируется на жизненные цели, после чего следует нескончаемая погоня за жизненным миражом. Самое страшное в этом, писал Ж. Деррида, внезапно очнуться, когда созданная сознанием установка «сейчас не время» по каким-либо причинам дает сбой, либо откладываемое на «потом» время все-таки наступает. Человек сталкивается с тем, что наступившее будущее оказывается не настоящим, а наступившим вчера, т.е. отложенным до лучших времен. Мало того, выясняется, что отложенная и сбереженная до лучших времен жизнь качественно изменилась, оставив вместо реальности лишь «след». Как следствие, наступает состояние темпорального дефолта, приводящее к появлению глубинной психологической травмы, единственным спасением от которой является погружение в очередную иллюзию.

К сожалению, вместо «нового равновесия», к чему стремилась современная цивилизация, она получила отрицание жизненности и человечности. Многие, видя прогрессирование распада, начинают говорить о нормальности сумасшествия общества в целом. «Проповедники подсознательного», о которых писал В. Франкл, все настойчивее рисуют иррациональный образ мира, который приводит к параноидальному беспокойству и эпидемии эмоциональных расстройств. Во многом верх взяла бессодержательность и бессмысленность существования человека, автоматизация и ритуальность его жизни. Человек в большей степени стал декларироваться и играть вмененную ему социальную роль, не являясь тем, кем есть на самом деле или мог быть в реальности.

Все это формирует поверхностное отношение к миру и переключает акцент с глубинной сущности миропонимания на беспорядочное и бессмысленное существование с причудливым переплетением жизненных процессов и явлений. Такая жизненная ризомность порождает ощущение относитель-

ности всего, что окружает человека, да и самого его существования.

М.Н. Эпштейн пишет, что с приходом современной культуры реальность исчезает, а вместе с ней исчезает человеческий опыт, т.е. прошлое. Все это заменяется знаковой произвольностью картины мира. Значит, продолжает автор, человек все больше и больше начинает чувствовать себя калеккой, не способным полноценно соотноситься с окружающей средой. Нашу цивилизацию, по мнению автора, можно определить как цивилизацию протезов, в которой люди общаются между собой посредством приборов, подсоединенных к органам чувств [13].

Поэтому основной гуманистической задачей современности является необходимость собрать человека воедино в традиционном понимании (К.Г. Юнг – «самость»). Но здесь возникает опасение, продолжает М.Н. Эпштейн, не станет ли такой цельный, универсальный человек ренессансного типа помехой дальнейшему развитию цивилизации, основным методом которой является непрерывное деление человека и его протезирование? Следует заметить, что пропаганда жизненной вечности начинается уже в детском возрасте, стоит только посмотреть современные мультфильмы или компьютерные игры, изобилующие визуальными и смысловыми артефактами. Или современную систему образования, когда ученику вместо поиска решения, т.е. оперирования разумом, предлагается использовать принцип нажатия кнопки. Тем самым, вырабатывается всего лишь инструментальный условный рефлекс. Такого рода ментальный и духовный слом человечества приводит к деперсонализации личности и возникновению глубинной травмы, что имеет, как мы видим, весьма плачевные последствия.

П. Тиллих пишет, что только те, кто пережил шок от сознания своей бренности и конечности, ощутил угрозу небытия, способны приблизиться к пониманию истины. По сути, это прорыв в другое измерение, в глубину бытия, что немислимо в условиях горизонтального существования.

Только через разрешение внутренних противоречий, преодоление «бездны» человек способен самоутвердиться и подняться на более значимую жизненную вершину.

Правда, здесь же возникает вопрос – кто способен к такому преодолению, многие ли обладают «мужеством быть», о чем пишет немецкий философ в своем одноименном произведении. Вне всякого сомнения, значительная часть останется у подножия горы, так и не поняв происходящего и не предприняв попытки самоутверждения в преодолении.

В настоящее время человек вступает в бытийное пространство, за пределами которого не существует объяснимой реальности, т.е. она есть, но выступает в виде «небытия». Поэтому в целях купирования тревоги человек зачастую создает жизненную иллюзию, рисуя своим воображением желаемую реальность, и стремится к ней. Или же, пытаясь защититься, уходит в пространство саморазрушения: наркозависимости, алкоголизации или, как крайний вариант, суицида.

Падая в бездну, человек лихорадочно пытается определить ее границы, но по мере поиска приходит к выводу, что она бездонна и в глубине теряет свои очертания. То, что могло бы послужить ориентирами в таком хаотичном движении, оказалось отвергнутым или разрушенным. Выяснить, как долго продлится падение человека в «никуда», и что его ждет в случае обнаружения точки опоры, пока не представляется возможным. Другими словами, человек в пространстве своего существования потерял жизненную опору, и ее поиск является сверхзадачей современности. Часто этот поиск приводит к тому, что человек, приняв на себя роль жертвы, пассивно смиряется с ситуацией.

Цивилизационная травма перестраивает прежнюю картину мира, заменяет существующую реальность бытия, порождая часто своими изменениями социальную химеру существования. В результате шокового состояния человек вынужден переключаться на биологические, реликтовые формы психологической защиты, что исключает использование рациональной стратегии поведения. Положение усугубляется еще и тем, что травма носит глобальный характер, она заполняет собой все социальные поры, растворяя человека во всеобщем хаосе и превращая его в аморфное состояние. Попросту человек как уникальное явление, созданное современной цивилизацией, начинает деформироваться.

Именно всеобщность явлений, меняющих существующий цивилизационный знак на свою противоположность, не дает человеку возможности сверить свое мировосприятие с фундаментальными образцами, олицетворявшими устойчивость бытия и определенность будущего. Индивид не видит никаких ориентиров и образцов для выстраивания своего жизненного пути. И если таковые обнаруживаются, то в силу эфемерности бытия он начинает сомневаться в их подлинности и реальности. Более того, в силу ряда причин искажается или отвергается прошлый опыт человечества, который в экстремальных ситуациях является точкой опоры выстраивания будущего. Притупленное и безразличное восприятие реальности, отсутствие смысловой чувствительности формирует состояние безучастности ко всему происходящему и к самому себе, порождая тем самым жизненную усталость.

Таким образом, социальные изменения, занявшие в современном сознании прочное место, становятся основным фактором, оказывающим травмирующее воздействие на психику человека. Результатом таких изменений явилось появление на исторической авансцене личности с глубинной цивилизационной травмой. В самом общем виде травма проявляется в нарушении нормальности. Хотя понятие нормы весьма относительно, по крайней мере для психологического и поведенческого своеобразия человека. То, что раньше выступало как норма, сегодня шокирует и возмущает. Следует признать, что социальные изменения происходили всегда, именно возникающие противоречия приводили к качественным скачкам цивилизационного развития. Опираясь исключительно на традиции и опасаясь нарушить равновесие, человечество не смогло бы выйти из пещеры. Дело в ином. В том, что современные социальные изменения происходят катастрофически быстро. Человек, являясь всего лишь безучастной частицей происходящего, не успевает к ним адаптироваться, он не видит себя в этих изменениях. То есть в них практически отсутствует авторство и его самоутверждающее начало.

Создается ощущение, что человек помимо своей воли движется к цивилизационной гильотине. Думается, что в этом движении

именно неопределенность и отсутствие смысла происходящего оказывают основное травмирующее воздействие на него. По П. Тиллиху, бессмысленность несет в себе абсолютную угрозу небытия духовному самоутверждению человека, вызывая тревогу по поводу утраты того смысла, что придает смысл всем смыслам. В конечном итоге травматические события вызывают нарушение привычного образа мысли и действий, часто трагически меняют жизненный мир людей, их модели поведения и мышления.

Оптимистичное заключение. Шоковые социальные события приводят к нарушению привычного хода жизненных событий и появлению травматического опыта. При этом не приходится сомневаться, что человечество хочет избежать вставшей перед ним опасности самоуничтожения, хотя и находит бесчисленные аргументы для того, что бы оправдать свое сегодняшнее положение. Думается, в своей перспективе ситуация цивилизационных изменений далеко не безнадежна и катастрофична, как может представиться на первый взгляд. Способность человечества находить внутренние точки опоры вселяет надежду на то, что и на этот раз оно выйдет из исторического тупика. Человек является единственным существом в мире, которое способно нарушать силу гравитации – падая вниз, он всегда стремится вверх. Следует отметить, что в человеке заложен огромный потенциал прочности, основанный на базовой потребности существовать и способности пересоздавать мир и формировать свою личность. Человек способен не только адаптироваться к внешнему пространству, но и целенаправленно переводить кризисные моменты в конструктивное русло. Именно такое поведение позволяет говорить о человеке как об авторе собственного жизненного пути, который адекватно воспринимает вызовы времени и, преодолевая деструктивные внешние воздействия, стремится перевести изменения в созидательное русло. При этом в конструировании жизненного пространства он должен опираться на внутренний потенциал и способность к самоутверждению.

Для автора социальный вызов является источником роста, так как через преодоление он способствует переходу в более высокое и совершенное с точки зрения самоорганиза-

ции состояние. Являясь автором жизненного пути, человек способен осуществить творческие и экспансивные трансгрессии, направленные на создание нового жизненного пространства, и выработать эффективные жизненные стратегии. Но при этом он должен постоянно опережать себя на шаг, что возможно при условии выхода человека за пределы внутреннего мира и колоссальной готовности к риску. Особое значение в этом движении занимает такой феномен человеческого бытия, как «мужество быть», в целом обозначающий стремление к самоутверждению и принятию бытия. П. Тиллих утверждает, что человек есть человек лишь потому, что обладает способностью понимать и формировать реальность, т.е. свой мир и самого себя, соотносясь со смыслами и ценностями. Человек, наделенный «мужеством быть», через самоутверждение и принятие жизни способен выйти за пределы собственной ограниченности, конечности и небытия.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Как я понимаю философию. М., 1992. С. 107-121.
2. Гидденс Э. Последствия современности. М., 2011. С. 294.
3. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2011.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.
5. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 288-418.
6. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2004.
7. Тиллих П. Мужество быть // Избранное. М., 1995.
8. Фаулз Дж. Аристос. М., 2008.
9. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 2007.
10. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М., 2002.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990.
12. Уваров Е.А. Психология «плоского человека»: миф или реальность современности // Практическая психология: от фундаментальных исследований до инноваций. Тамбов, 2011. С. 81-96.
13. Эпштейн М.Н. Информационный взрыв и травма постмодерна // Звезда. 1999. № 11. С. 216-227.

References

1. Mamardashvili M.K. Soznanie i civilizaciya // Kak ya ponimayu filosofiyu. M., 1992. S. 107-121.
2. Giddens `E. Posledstviya sovremennosti. M., 2011. S. 294.
3. Fromm `E. Zdorovoe obschestvo. M., 2011.
4. Bodriyar Zh. Obschestvo potrebleniya. Ego mify i struktury. M., 2006.
5. Yaspers K. Duhovnaya situaciya vremeni // Smysl i naznachenie istorii. M., 1991. S. 288-418.
6. Toffler `E. Shok buduschego. M., 2004.
7. Tillih P. Muzhestvo byt' // Izbrannoe. M., 1995.
8. Faulz Dzh. Aristos. M., 2008.
9. Fromm `E. Begstvo ot svobody. M., 2007.
10. Markuze G. Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obschestva. M., 2002.
11. Frankl V. Chelovek v poiskah smysla. M., 1990.
12. Uvarov E.A. Psihologiya «ploskogo cheloveka»: mif ili real'nost' sovremennosti // Prakticheskaya psihologiya: ot fundamental'nyh issledovanij do innovacij. Tambov, 2011. S. 81-96.
13. `Epshtejn M.N. Informacionnyj vzryv i travma postmoderna // Zvezda. 1999. № 11. S. 216-227.

LIFE TIREDNESS AS A LEADING DEVIATION OF ERA OF SOCIAL CHANGES

E.A. Uvarov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,
Russia, Tambov. e-mail: uvarovea@yandex.ru

The question of understanding historic crisis, at the top of which of the humanity is, is much more important than ever before. We must admit that at the present we are the participants of creation of new, never seen before life reality. The evidence of instability of the humanity is constantly growing nosologic group of social and psychological deviations, life tiredness takes an important place here. Life tiredness as a syndrome of modern society belongs to the sphere of deep social anomalies and is the evidence the appearance of “new evil of the century”. Essentially, life tiredness is the consequence of deep Civilizational trauma, which became the answer to the break of historic eras. In the article the problem of categorization of the concept “life tiredness” is reviewed, which is caused by semantic polysemy and insufficient semantic distinctness of this psychological phenomena. The author pays attention to “courage to be”, which is basic condition of existence of modern human and his ability to resist destructive external influence.

Key words: life tiredness, anomia, estrangement, solitude, civilizational trauma, courage to be.